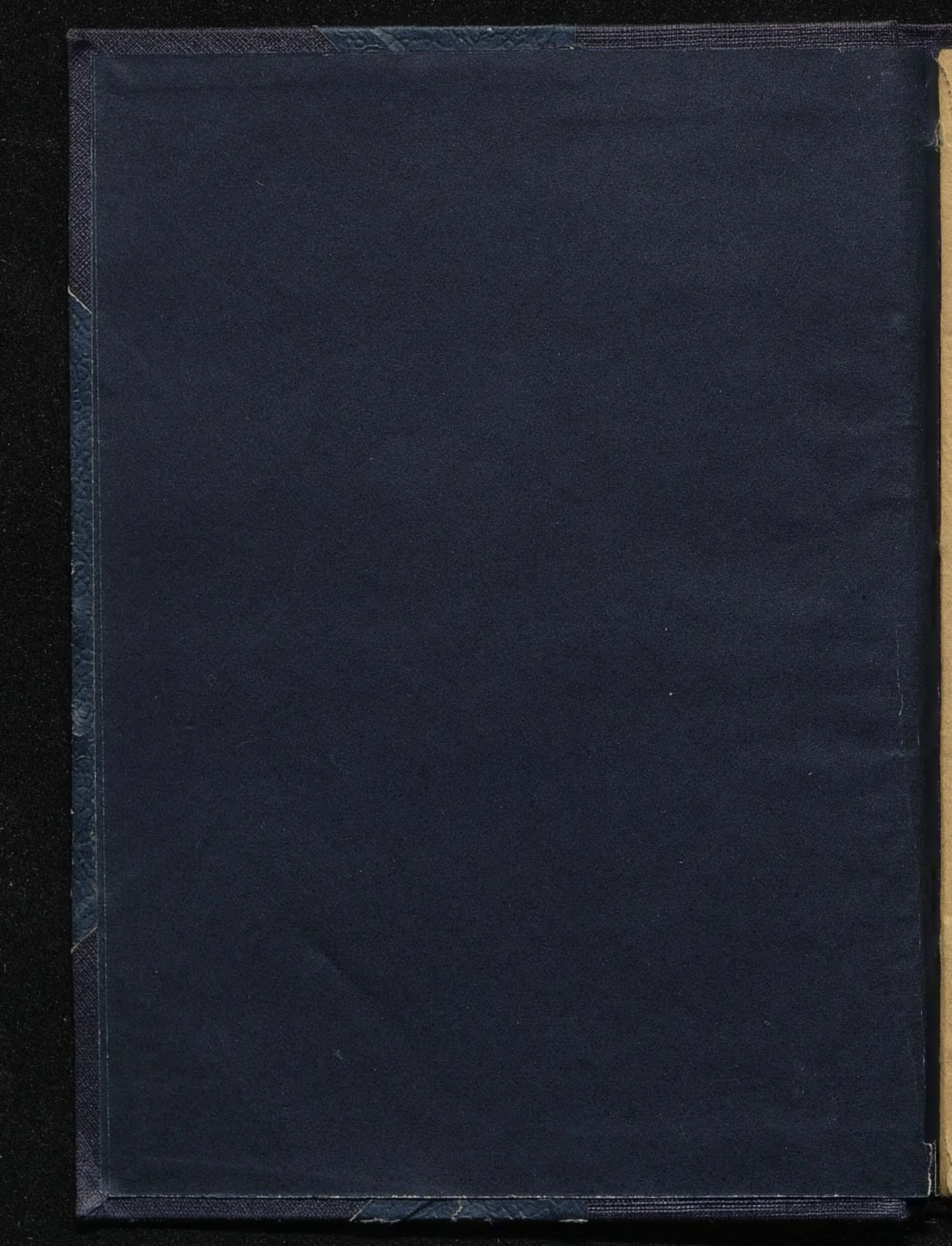
Бухвалов

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

ОТ ФЕВРАЛЯ

ДО ОКТЯБРЯ
1917 г.
КРАСНАЯ НОВЬ
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
К.ПОМАНСКИЙ

№. 346

БУХВАЛОВ

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ★ МОСКВА ★ 1924

Тип. им. Гутенберга, Ленинград, Стремянная, 12.
Ленинградский Гублит № 14748.
4 л.—10.000 экз.

Перед февральской революцией.

При Николае II вся государственная власть в России была в руках кучки крупных помещиков. Они имели необъятные имения, но не всегда вели сами свое хозяйство, чаще они отдавали землю в аренду крестьянам за высокую плату. Помещики имели поэтому всегда верный доход со своей земли, да, кроме того, еще держали в кабале крестьян, нуждавшихся в земле. Удержать за собой право собственности на землю было самым большим стремлением помещиков при Николае II.

А крестьяне сильно нуждались в земле. Земельный надел в среднем на душу был едва две с половиной десятины, а в некоторых губерниях доходил даже до четверти десятины. Крестьяне превратили в пашни все неудобные места и выгоны, но и это не помогло. Приходилось поневоле арендовать землю у помещика. А за аренду крестьянин платил помещику четверть, а то и целую половину урожая. Остатков едва хватало на полуголодное существование. Некоторые крестьяне сеяли хлеб для продажи, им хотелось за-

севать больше, чтобы больше получать доходу. И им поперек дороги стояли помещики, не хотевшие продавать землю. Помещикам выгоднее было сдавать ее из года в год в аренду. Недостаток земли был одной из главных причин всех несчастий крестьянина. Увеличить земельные наделы, получив помещичью землю, было самым сильным стремлением крестьянина. Да помещичья власть крепко держалась за землю.

Промышленная буржуазия,—фабриканты и заводчики—лишь отчасти касались власти. Правда, крупная промышленность в России выросла очень быстро, но выросла она больше на иностранные деньги. Царское правительство занимало деньги у иностранных капиталистов, а затем давало из них ссуды русским фабрикантам на устройство разных предприятий. Благодаря этому, русские капиталисты были в зависимости от царизма. Эта зависимость увеличивалась еще тем, что они постоянно имели от правительства разные заказы и наживали на них большие деньги. Понемногу помимо помещиков, стали подбираться к власти также фабриканты, заводчики, купцы. Ясно, где больше денег, там больше и почета, власти. А помещики-дворяне, сами не занимаясь хозяйством, прожигали свои доходы на кутежи, да поездки за границу. Помещики-дворяне начинали чувствовать свою зависимость от набитой золотой мошны купца-фабриканта. Но в явную ссору не вступали, так как интересы у них были

все-таки общие: фабриканты притесняли рабочих, а помещики — крестьян, а вместе теснили и рабочих, и крестьян.

Капиталистам, помещикам и купцам было выгодно существование царизма, поэтому они и верны были романовскому трону. Рабочие, наоборот, стремились свергнуть царизм, а за ним и капиталистов с помещиками. Крестьяне, прежде всего, стремились прогнать помещиков. В массе своей они редко сознавали необходимость уничтожения царизма. К тому же они были неорганизованы. Зато городские рабочие еще в 1905 г. поняли, что царь, помещики и капиталисты—одна свора. Чтобы прогнать помещиков и капиталистов, нужно уничтожить царизм. Поэтому рабочие не ограничивались борьбой за лишний пятачек заработной платы. Они давно уже выступили застрельщиками революции, которая должна похоронить в первую голову царизм, а за ним и помещичье-капиталистическое правительство. После революции 1905 г. царское правительство круто расправилось с рабочими, но уже с весны 1911 г. рабочие перешли снова в наступление. Летом 1914 года петербургские улицы покрылись баррикадами, начиналась решительная борьба. Царизм спасся от гибели только тем, что ввязался в мировую бойню.

На эту войну царское правительство толкали и капиталисты, и помещики. Капиталисты хотели получать еще больше барышей, а население России

(огромное большинство его составляют крестьяне) было так бедно, что мало могло покупать. Развивающаяся промышленность не могла найти сбыта своим товарам внутри страны. Нужно было искать какой-нибудь внешний рынок для этого; другими словами, нужно было захватить какую-нибудь страну, где не было своей промышленности, и заставить население ее покупать русские товары. Так родились империалистические (захватнические) стремления русских капиталистов. В захватах были заинтересованы и помещики. В последнее десятилетие перед мировой войной за границей хлеб стал дешевле и потому сильно уменьшился вывоз хлеба из России. Это было убыточно для помещичьего хозяйства в России. Помещики вынуждены были во что бы ни стало добиваться прежнего господства в хлебной торговле за границей. Чтобы вернуть его, нужно было дешевле продавать хлеб. А для этого нужно было владеть выходами из Черного моря, так как здесь проходил почти весь русский хлеб; возить морем гораздо дешевле, чем по железной дороге. А пока этими выходами—проливами Босфором и Дарданеллами—владели турки, то им нужно было платить пошлину, да и всегда была опасность, что турки не пропустят через свои проливы русские пароходы с хлебом.

Опасность революции не давала покоя царскому правительству, а война была испытанным средством отвлекать народное внимание. По-

этому само царское правительство охотно начало войну.

Первое время капиталисты и помещики вели войну с Германией с самыми блестящими надеждами. В будущем капиталисты надеялись получить новые рынки для своих товаров, а пока что им огромные барыши доставляли всевозможные поставки на армию. Капиталистам был прямой расчет кричать о войне „до победного конца“, так как каждый день войны увеличивал их состояние. Помещики тоже не прогадали на войне—нужно было кормить многочисленную армию, увеличились цены на хлеб и они собирали обильную жатву. Им тоже был полный расчет продолжать войну „до победного конца“.

Но с лета 1915 года русская армия начала терпеть значительные поражения. Капиталисты испугались, что им не видать внешних рынков, если царское правительство будет продолжать войну так же неудачно. Капиталисты стремились прибрать к рукам самодержавный строй, чтобы успешнее и выгоднее вести войну до конца. Они стали настойчиво добиваться, чтобы и их допустили к управлению страной, наравне с помещиками. Тем более, что им надо было обуздать и помещиков. Помещики повышали цены на хлеб, а капиталистам это было невыгодно, так как приходилось увеличивать заработную плату рабочим. Помещики увидели в этих домогательствах угрозу своему единоличному хозяйничанью и го-

товы были скорее заключить мир с Германией, чем допустить это.

Особенно хотели мира с Германией самые крупные помещики и придворные царя, наиболее близко стоявшие к нему. Они надеялись, пойдя на уступки Германии, получить оттуда помощь в случае революции. Двор Николая II сделался местом, где упорно готовились к миру. Судьбы России в это время оказались в руках развратного сибирского бродяги развратника Распутина, который имел огромное влияние на царицу Александру—жену Николая II. Распутин был в действительности неограниченным самодержцем, а сам Николай только безвольной пешкой,—он делал то, о чем просила его царица, под влиянием уговоров и советов Распутина.

Конечно, фабриканты и купцы не могли относиться к этому равнодушно. Они мало обращали внимания на разврат царского двора, но их больно задевала мысль о возможности преждевременного мира с Германией. Такой мир сорвал бы все надежды на будущие внешние рынки, и на возможность прибрать государственную власть к своим рукам. Но буржуазия была слишком слаба и труслива, чтобы решиться на революцию. Она робко по углам выражала свое недовольство и мечтала только о „дворцовом перевороте“, который поставил бы другого царя на место Николая.

Зато твердо шли на революцию рабочие. С начала войны многочисленные мобилизации

распылили рабочий класс, и революционное движение затихло, тем более, что меньшевики и другие партии призывали рабочих защищать царскую Россию, объявив, что эта война оборонительная. Одни большевики [1]) с самого начала резко выступили против войны: 26-го июля 1914 г. (по старому календарю), когда помещичье-буржуазная Государственная Дума клялась царизму в готовности воевать „до победного конца“, пять большевиков—членов Гос. Думы выступили резко с протестом против войны. Это были товарищи: Петровский (ныне председатель ЦИК'а СССР и ЦИК Украинской Республики), Самойлов, Шагов, Бадаев и Муранов. Их устами вся партия большевиков открыто выступила против войны. А большевики и тогда пользовались большим влиянием в рабочих массах. Они издавали еще до войны, на трудовые копейки рабочих, газету „Правда“. Царское правительство всячески преследовало „Правду“, но эта маленькая в то время газета сплотила вокруг себя большую часть сознательных рабочих России. В Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске и других крупных промыш-

---

[1]) Различие между большевиками и меньшевиками было следующее:

Большевики говорили, что рабочий класс может добиться своего освобождения только в союзе с крестьянством, свергнув господство капиталистов. А меньшевики считали, что крестьяне темны и неорганизованы, а рабочих мало,—поэтому рабочие должны не отнимать власть у капиталистов, а добиваться улучшения своей жизни постепенными преобразованиями, какие будут делать капиталисты.

ленных городах работали партийные организации большевиков. Они открывали рабочим глаза на истинные цели происходящей войны. Они разъясняли, что война эта затеяна только капиталистами и помещиками в своих интересах, а рабочим она сулит одни тяжести и муки. Рабочие должны свергнуть царизм и капиталистов и прекратить эту бессмысленную бойню.

Вместо того, чтобы истреблять своих братьев, рабочие и крестьяне в каждой стране должны выступить на борьбу со своими капиталистами. Только свергнув капитализм, они добьются полного освобождения. Таков был призыв большевиков во время войны.

Но свергнуть царизм и прекратить войну рабочие не могли—они не были организованы и спаяны в одно целое Мобилизаций распылили рабочих, мелкие хозяйчики, ставшие во время войны рабочими, не были настроены так революционно, как старые рабочие, помнившие 1905 год. Мелкие хозяйчики по своим жизненным условиям вынуждены колебаться между крупной буржуазией и рабочими. По вопросу о войне они шли на поводу у капиталистов, смотрели на войну ее глазами, потому что капиталисты были сильнее рабочих. Огромное значение имело еще и то, что все газеты во время войны были только буржуазные и все они бешено кричали о войне до победы. Рабочие газеты, которые одни могли сказать народу всю правду о войне, с первых же

дней войны были закрыты царским правительством. На свою сторону рабочие могли бы привлечь деревню, которой война, кроме бедствий, ничего не приносила, не говоря уже о деревнях и селах прифронтовой полосы, которые были снесены с лица земли. Но деревня была организована еще меньше. Все молодые и сильные были забраны в армию, где их крепко зажал в тиски царизм. А в армии вести революционную работу было очень трудно, так как царизм оберегал свою вооруженную силу пуще глаз.

В стране царили романовский штык и нагайка. Рабочие заводов, работавшие на армию, были милитаризованы, то есть считались на военной службе. А на армию работали в то время почти все заводы, так как это давала фабрикантам наибольшие барыши. Но рабочие и в этих тяжелых условиях не прекращали борьбы. Несмотря на то, что рабочие во время войны не имели право бастовать в защиту своих интересов (право забастовок было отменено), забастовки начались с первых месяцев 1915 г. Особенно многочисленные и многолюдные были в Петрограде [1]) выступления рабочих в связи с расправой над пятью большевиками, депутатами Государственной Думы, выступавшими против войны. С каждым разом все больше в этих забастовках нарастал протест про-

[1]) Теперь Ленинград—быв. столица России, переименованная в память тов. Ленина после его смерти. В книге дальше везде сохранено старое название.

тив войны и царизма, как главного виновника ее. Забастовочное движение все росло и крепло.

„Мира, хлеба и свободы"—раздавалось в рабочих кварталах городов России в 1916 г.

Петроградские рабочие в одной из своих резолюций этого года говорили ясно и твердо:

На завоевание власти путем гражданской войны должны быть направлены усилия пролетариата (рабочих).

Клич „долой войну" пролетариат должен осмыслить и углубить кличем: „да здравствует революция трудящихся".

„Пролетариат зовет к созданию временного правительства после низвержения самодержавия для созыва Всенародного Учредительного Собрания"...

Правительство и предприниматели закрывали фабрики и заводы, где бастовали рабочие. Местами дело доходило до расстрелов (Иваново-Вознесенск, Кострома). Рабочих сотнями арестовывали, сдавали в солдаты. Но, попадая в армию, революционные рабочие приносили туда жгучую ненависть к войне. Там была уже готовая почва. Из деревень неслись стоны - семьи лишались кормильцев и лучших работников. Хозяйства разорялись,—чему еще способствовали реквизиции на нужды армии. За свой хлеб и скот крестьянин получал обесцененные бумажки, а тут еще давили исконные враги русского крестьянства—земельная нужда и полицейский про-

извол. Армия видела, как ее предают и обкрадывают генералы и чиновники, она на себе переносила безудержный произвол офицеров. Она не знала, за что она воюет и с каждым днем сильней горела одним желанием—во что бы то ни стало кончить войну. К концу 1916 г. пошатнулась и самая прочная опора царского трона—армия.

Февральская революция.

23 февраля, по старому календарю, измученные войной и голодом рабочие Петрограда вышли на улицы с требованиями „хлеба, хлеба". На следующий день движение охватило весь город... Царское правительство бросило на безоружных рабочих полицию и войска, но после первых же стычек рабочих с полицией, войска перешли на сторону народа. Сопротивление верных царю войск было быстро сломлено, и на царских дворцах был водружен красный флаг знамя революции. 1-го марта революция одержала победу в Москве, а 2-го царь Николай в железнодорожном вагоне, где-то на глухом полустанке, между столицей и ставкой подписал отречение от российского престола.

Самодержавный строй, существовавший более трехсот лет, рухнул под напором народных масс всего в несколько дней. Такую быструю победу революция одержала потому, что слились вместе, совершенно различные потоки, совершенно раз-

народные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления.

С одной стороны, против царизма выступила русская буржуазия, под давлением иностранных капиталистов, чтобы захватить власть и настойчивее продолжать войну для грабежа и порабощения других народов.

А, с другой стороны, было пролетарское и массово-народное (всего беднейшего населения городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

— „Революционные рабочие и солдаты разрушали до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие моменты на помощь им приходит борьба Бьюкэнена [1]), Гучкова, Милюкова, желавших только смены одного монарха другим.

Только так и было дело“—писал т. Ленин.

И действительно—сразу же, после свержения Николая, обнаружились резкие расхождения среди вчерашних союзников. Капиталисты хотели более упорного и более умелого, чем при царе, продолжения войны и совсем не думали отступаться от своих прав и доходов. Рабочие, напротив, хотели, прежде всего, мира, настоящей свободы и

---

[1]) Английский представитель в Петрограде, поддерживающий в интересах продолжения войны и победоносного завершения ее движение буржуазии против царя.

перехода к социалистическому устройству. Они имели прекрасно-организованную партию—большевиков—которая вела их в бой, но сами они в массе своей еще не были организованы. Крестьяне, которых в армии была большая часть, прежде всего хотели тоже мира. Но они для революционной борьбы были сорганизованы еще меньше, чем рабочие. Поэтому рабочие и крестьяне и не сумели взять власть в свои руки сразу после свержения Николая.

Капиталисты, напротив, были прекрасно организованы. Они не собирались совершенно уничтожать монархию, а только хотели заменить одного царя другим. Когда же гибель царизма стала несомненной, после выступления рабочих масс и армии, капиталисты постарались, прежде всего, истолковать всю революцию, как выступление народа против измены царского правительства, готовившегося будто бы на мир с Германией и неспособного довести войну до победоносного конца. Чтобы Россия более успешно продолжала войну, капиталистов поддерживали и иностранные государства, в первую очередь Англия и Франция, дававшие царскому правительству на войну деньги, требуя от него за это посылать на фронт возможно больше солдат. Без русских солдат иностранные капиталисты не надеялись справиться с Германией.

Новое правительство России назвало себя „Временным Правительством“, потому что соби-

ралось существовать до Учредительного Собрания. Главными министрами были представители крупной буржуазии. Военный министр Гучков— представитель Московского купечества, организовавший во время вооруженного восстания рабочих в декабре 1905 года помощь адмиралу Дубасову, расстреливавшему рабочих. Министр иностранных дел Милюков - профессор, стоявший за войну до победного конца, чтобы совершить те захваты, ради которых воевали русские капиталисты. Министр финансов Терещенко - один из самых крупных в России сахарных заводчиков. Министр промышленности Коновалов,—крупнейший Московский фабрикант. Председатель правительства князь Львов—крупный помещик, тоже старавшийся кончить войну победой, чтобы получить внешние рынки и свободные пути для вывоза помещичьего хлеба. Особо стоял эс-эр Керенский, вошедший в это правительство с единственной целью—„делать карьеру", то-есть проложить себе путь к власти. Капиталисты охотно взяли Керенского в министры, надеясь через него расположить к себе рабочих.

Захватив власть в свои руки, капиталисты не могли не считаться с рабочими и солдатами, которые отняли эту власть у Николая. Еще в ночь на 27 февраля образовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов из выборных представителей фабрик, заводов, социалистических партий (большевики, меньшевики и эс-эры) и частей пи-

терского гарнизона. Эта форма власти была знакома питерским рабочим еще по революции 1905 года. Совет защищал интересы всех беднейших масс населения, а Временное Правительство защищало интересы маленькой кучки капиталистов и помещиков. Но капиталисты еще раз воспользовались неорганизованностью и несознательностью рабочих и армии (большинство солдат были крестьяне). Совет, руководимый меньшевиками, имевшими тогда еще влияние на рабочих, добровольно передал капиталистам власть и обещал поддерживать их правительство, а сам остался только контролером за его деятельностью, главным образом за созывом Учредительного Собрания. Самое же Временное Правительство было результатом сговора помещичье-буржуазной Гос. Думы с Советом.

Новое правительство дало целый ряд обещаний —осуществить полную, без всяких ограничений, амнистию, т. е. освободить из тюрем всех революционеров, заключенных туда царским правительством; установить свободу слова, печати, союзов, собраний, забастовок; отменить все сословные, вероисповедные, национальные ограничения; немедленно приступить к подготовке созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, хотя срок созыва указан не был; и т. д., и т. д.

Но среди всех этих обещаний не было ни слова сказано о самом главном, о том, за что

рабочие и солдаты боролись против монархии; не было ни слова сказано о мире; не было даже упомянуто о хлебе. Наконец, все эти обещания мало обеспечивали народу и свободу. А, между тем, как-раз за это боролись рабочие и солдаты в феврале 1917 г.

О них не было упомянуто, потому что дать их было невыгодно капиталистам.

В самом деле, как Временное Правительство могло дать мир, когда оно состояло из представителей тех классов, которые стремились к захвату чужих земель? Оно не отказалось от царских планов захвата Галиции, Армении, Константинополя. Кроме того, бесконечное затягивание войны давало возможность капиталистам без конца обогащаться на военных поставках. Наконец, при продолжении войны Временное Правительство под самыми различными предлогами могло откладывать переустройство России, невыгодное буржуазии и помещикам.

Временное Правительство не могло дать и хлеба, потому что большая часть хлеба нужна была армии. А на остатки помещики и купцы так вздули цены, что рабочим купить хлеб было очень трудно. Да и крестьянам невыгодно было вести хлеб в город, так как в городе им с трудом удавалось уже получить товары. Для спасения страны от голода необходимо было заставить промышленность работать не ружья и снаряды для фронта, а ситец и косы для населения, снаб-

жать ими деревню, чтобы получить в обмен хлеб, повысить заработную плату рабочим, изнемогавшим от дороговизны. Все это было возможно лишь при скорейшем окончании войны. Вопрос о хлебе упирался в вопрос о мире. Но мира заключать русские капиталисты не хотели. Временное Правительство сразу же повысило цены на военные заказы и еще больше разожгло аппетиты капиталистов.

Точно также Временное Правительство не могло и не хотело дать народу и настоящей свободы. Владея фабриками, банками, землей, капиталисты и помещики попрежнему имели власть над рабочими и крестьянами, потому что те, чтобы не умереть с голоду, должны были итти к ним в кабалу.

Вначале Временное Правительство не хотело даже уничтожать романовской монархии и предложило, после свержения Николая, занять престол его брату Михаилу. Временное Правительство решительно отказалось объявить Россию демократической республикой, а отложило вопрос об этом до Учредительного Собрания. Оно отказывалось объявить вне закона контр-революционных генералов, преданных слуг царя, которые готовились к походу на Питер, чтобы восстановить царскую власть. Оно даже начало переговоры с Англией об отправке туда бывшей царской семьи. Два поезда с царской семьей уже направились на Питер, чтобы следовать дальше

к границе, и только вмешательство Петроградского Совета помешало капиталистам спасти Романовых для будущих времен.

Война и мир.

Вопрос о войне и мире был самым жгучим для трудящихся масс России. Буржуазии и помещикам выгодно было тянуть войну без конца. Они и самую революцию думали использовать, с тем, чтобы более успешно вести войну. Временное Правительство сразу начало призывать рабочих и солдат продолжать войну до победного конца. За что ведется война—Временное Правительство молчало.

Между тем, вопрос о целях войны волновал и рабочих, и солдат. Неужели революционная Россия ведет войну из-за тех же захватов, какие нужны были царской России? Рабочим захваты были не нужны. Не нужны были они и крестьянам, а большинство армии были крестьяне. Война отнимала у них лучших работников, подрывала крестьянское хозяйство, а какое дело крестьянину до земли, которая будет отнята, в случае победы, у других государств? Та земля, которая ему нужна, у него под рукой, — это земля помещика, долгие годы поливавшаяся крестьянским потом, обработанная его сохой, оплаченная уже несколько раз помещику арендой. Крестьянин считал, что чужого ему не нужно, но свою землю и ту землю, которую он хочет сделать

своей, он должен защищать от немцев. Не хотели никаких захватов и городские хозяйчики—мелкие собственники, мелкая буржуазия. Они страдали от войны, не прочь, пожалуй, были ее прекратить, но раз дело шло о „защите отечества“, а теперь еще о „защите свободы“, они готовы были потерпеть.

Мелкая буржуазия не стояла твердо против войны. Поэтому воинствующие фабриканты без труда убаюкали ее ложными разговорами, что теперь война ведется, чтобы защитить завоевания революции от... Вильгельма. Трескучими разговорами о „защите отечества“, „освобождении порабощенных народов“ капиталисты сумели прикрыть свои захватнические намерения.

Мелкие хозяйчики, забитые при царизме ужасным гнетом полицейщины и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, теперь потянулись к политике, стали принимать самостоятельное, деятельное участие в устройстве государства. Колеблясь сами в отношении к войне, они подавили своей численностью, захлеснули своими колебаниями и широкие круги рабочих. Это тем легче удалось им, потому что во время войны состав рабочего класса заметно изменился: рабочие, в которых жила еще память о борьбе с самодержавием в 1905 г., сильно поредели в результате многократных мобилизаций; на смену им пришли как раз эти разные мелкие хозяйчики—разорившиеся ремесленники, крестьяне, переселившиеся в города из деревни.

Против захватов, но за защиту отечества — так они определяли свое отношение к войне и миру.

Политическими выразителями их настроений и интересов были партии меньшевиков и эсеров.

От этих мелкобуржуазных шатаний в вопросах войны и мира была свободна лишь незначительная часть наиболее сознательных рабочих. Эти немногие рабочие шли за большевиками, которые говорили твердо и определенно:

„Против всех союзов с какими бы то ни было капиталистами, против войны, ведущейся в союзе с ними“.

Первое время после февральской революции большевики были в меньшинстве в Советах. Господствующими партиями были меньшевики и эсеры. Колеблющаяся мелкая буржуазия подавляла сознательных рабочих.

Так было и в Питерском Совете. Пользуясь полным доверием местных советов, он был признанным руководителем трудящихся масс и считал себя обязанным дать им ответ на волнующий их вопрос, о целях войны.

14 марта Совет обратился с знаменитым воззванием „к народам всего мира“. Нигде так ярко не выразились колебания мелкой буржуазии в отношении к войне, как в этом обращении. Оно выражало несомненную искреннюю жажду мира и призывало все народы к прекращению войны, к борьбе за демократический мир „без аннексий и контрибуций,

на основе самоопределения народов". Под миром без аннексий и контрибуций понимался такой мир, по которому не отнимались бы у других государств их земли или колонии, побежденные не должны были бы платить победителям огромные денежные суммы, будто бы в возмещение расходов по ведению войны. Каждый народ имел бы право устраивать свою жизнь так, как ему хочется; быть ли самостоятельным государством или же находиться в составе другого более крупного государства.

Но, с другой стороны, Совет в своем обращении называл войну оборонительной и призывал продолжать ее, несмотря на существование тайных договоров, заключенных еще царским правительством с союзными империалистами о захвате и разделе чужих земель.

Под давлением Петроградского Совета и Временное Правительство 28 марта издало „Обращение к гражданам России", в котором говорилось, что свободная Россия ведет эту войну, чтобы добиться установления прочного мира на основах самоопределения народов, а не „на насильственном захвате чужих земель". Но это были слова. На деле же капиталисты решили использовать колебания Петроградского Совета. Временное Правительство поспешило выпустить новый военный заем — „Заем Свободы", деньги с которого шли только на военные цели. Питерский Совет, после долгих колебаний, призвал всех трудящихся России к поддержке этого займа,

так как война-де оборонительная, а деньги должны пойти „на защиту завоеваний революции от внешнего врага“.

Питерский совет прочно впрягся в телегу капиталистов. Но им и этого было мало. Самое существование Советов было большой помехой ее единовластию. Буржуазные газеты начинают травить Совет: братство народов, к которому взывал в своем обращении Совет, объявляется пособничеством Германии; демократизация армии, т. е. уничтожение царской муштры и палочной дисциплины, чего добивался Совет, превратилось в причины поражений русской армии в марте 1917 г. В действительности же причиной поражения было предательское командование царских генералов, враждебных революции, а еще больше усталость в армии, не знавшей, за что она воюет. Как раз в это время Совет стал добиваться введения восьмичасового рабочего дня на фабриках и заводах. Капиталисты объявили это изменой отечеству и открыто призывали солдат расправляться с рабочими, которые, будто бы, не хотят давать армии снарядов.

Все это делалось с одной целью — обессилить, свести на нет Советы, которых все-таки буржуазия побаивалась.

Советы давали очень слабый отпор наскокам капиталистов. Поэтому и Временное Правительство все меньше считалось с ними. Союзники России в войне были недовольны, что война ве-

дется плохо, и беспокоились, что Россия может скоро выйти из войны. Капиталистам нужно было убедить союзников, что все воззвания и разговоры Совета о „мире без аннексий и контрибуций“ не имеют никакого значения. Временное Правительство попрежнему верно тем обязательствам, какие дало иностранному капиталу царское правительство. И вот, Милюков, бывший руководителем всей иностранной политики Временного Правительства, 20-го апреля опубликовал свое „разъяснение“ к „обращению к гражданам России“. В этом разъяснении Милюков говорил не только о решительной победе над врагом и прочном мире, но и о гарантиях этого прочного мира. А „гарантиями прочного мира“ могли быть возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, захват Россией Константинополя, Босфора и Дарданелл [1]) и т. д., словом, как раз те „аннексии и контрибуции“, против которых будто бы протестовало „Обращение к гражданам России“.

На эту наглую выходку Милюкова рабочие и солдаты обеих столиц и многих крупных городов ответили 21 апреля мощными многотысячными демонстрациями против Временного Прави-

---

[1]) Эльзас и Лотарингия—области, отнятые у Франции Германией в войну между ними в 1871 г. Области эти очень богаты железной рудой, которая нужна как французской, так и немецкой промышленности.

Босфор и Дарданеллы—турецкие проливы, соединяющие Черное море с Средиземным. О значении их для русской буржуазии говорилось на стр. 6.

тельства и в особенности против Милюкова. Под их давлением Временное Правительство издало новое „разъяснение“ к разъяснению Милюкова. В нем „решительная победа“, о которой трубил Милюков, была только... „достижением тех задач, какие были объявлены в „Обращении“, гарантией прочного мира объявлялось будущее (после окончания войны!) разоружение и международный суд, где будут разбираться все споры и тяжбы между отдельными государствами, чтоб не было больше войн. Эсеровско-меньшевистский Совет согласился с разъяснением и отказался взять власть в свои руки, как требовали это рабочие и солдаты.

На этом дело как будто и кончилось. Но на самом деле рабочие и солдаты получили хороший урок. Они поняли, что нельзя верить капиталистам. Они воочию убедились, что их обманывают. Соглашаясь с ними на словах, на деле капиталисты продолжают вести захватническую войну. От меньшевиков и эсеров, призывавших их не ссориться с капиталистами, они потянулись к большевикам. Большевики раскрывали каждый обман капиталистов и призывали рабочих и крестьян отнять у них власть и предложить мир всем воюющим народам через головы их правительств. Большевики в это время не были маленькой кучкой, как в первые дни февральской революции. Их влияние росло, их ряды увеличивались, наконец, они имели стойкого и испытанного вождя—В. И. Ульянова-Ленина.

Приезд в Россию тов. Ленина.

Когда Временное Правительство объявило амнистию, в Россию могли вернуться многие революционеры, скрывавшиеся от царской охранки за границей. Но союзники не давали пропусков многим из них, именно тем, кто был против войны. Многих они даже арестовали; был арестован английским правительством тов. Троцкий, освобожденный только после решительного требования Совета. Той же участи мог ждать и тов. Ленин, которого все правительства считали вождем русской революции и знали как за стойкого, непримиримого врага империалистической войны.

Тов. Ленин жил в то время в Швейцарии. Он с самого начала войны призывал рабочих всех стран свергнуть власть буржуазии и разбить капиталистический строй, потому что только рабочее правительство может вывести народы из бессмысленной кровавой бойни. Ильич страстно призывал, нетерпеливо ждал русскую революцию. Как только весть о ней дошла до Швейцарии, он решил немедленно вернуться в Россию.

Но как вернуться? Империалистические правительства хорошо знали Ленина, как непреклонного борца за мировую революцию, за мир народов. А Россию им важно было сохранить для борьбы с Германией. Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы пропустить тов. Ленина. Ильич рвется в Россию, как никогда не рвался

раньше. Придумывает один способ за другим. Но ничего не выходит. Остается один путь: ехать через Германию. Он посылает несколько телеграмм Временному Правительству, чтобы его и других товарищей обменяли на германских военнопленных. Но Временное Правительство скрыло эти телеграммы—буржуазия боялась Ленина. После двухнедельного ожидания ответа от Временного Правительства он решается вести переговоры прямо с германским правительством. Эти переговоры велись в открытую, так как это уменьшало риск, что Ильича и большевиков объявят немецкими шпионами. Как известно, в дальнейшем так и было, капиталисты пустили это наглое обвинение.

Германское правительство соглашается пропустить большевиков, но в запечатанном вагоне. Оно боится, что русские большевики, борющиеся за мир, посеют смущение своими речами среди немецких солдат. Ильич решает ехать с первым же поездом. Он знал, что нужно скорее быть в Питере. Вместе с ним поехали его жена — Надежда Константиновна Крупская, тов. Зиновьев, Радек, Сокольников и другие. Всю дорогу Ильич жадно вчитывался в каждое известие о России, старался возможно больше узнать о русской революции. Через Швецию, Финляндию Ильич подъехал к Питеру. Первый вопрос его был:

„Арестуют ли нас в Петрограде?“

Иного приема со стороны Гучкова и Милюкова Ильич не ждал.

В Питере его встретили на вокзале десятки тысяч рабочих и солдат. Гремел „Интернационал“. Ильич произнес свою первую, коротенькую речь, закончив ее словами:

„Да здравствует социалистическая революция!“

Многочисленная толпа рабочих и солдат бурно приветствовала этот клич. Кругом были бодрые, уверенные лица. Буржуазия же встретила его неистовым воем. Буржуазные газеты сразу объявили Ильича немецким шпионом, приехавшим разложить армию и разрушить государство. Буржуазия не останавливалась перед этой гнусной клеветой—она сразу почувствовала во Владимире Ильиче своего могильщика.

На другой же день, по своем приезде, Владимир Ильич дал ясную и прямую оценку происходившим событиям.

„Старая царская власть,—писал Владимир Ильич,— разбита и устранена, но не добита. Государственная власть в России перешла в руки буржуазии и обуржуазившихся помещиков, которые сразу же заключили союз с явными монархистами. Когда сорвалось восстановление монархии, они стали назначать на все командные места (в армию, полицию, госуд. службу) сторонников старого порядка. Монархистам принадлежат и главные решающие места в правительстве. Срок созыва Учредительного Собрания они даже не назначили. Помещичьего землевладения Временное Правительство не трогает. Ни о каком

контроле над банками, над безумными прибылями промышленников—не думает.

Временное Правительство не сделало никаких шагов к прекращению войны. Оно не опубликовало даже тайных договоров заведомо-грабительского содержания (о разделе Персии, о грабеже Турции, об отнятии немецких колоний и т. д.), напротив, оно подтвердило эти договоры, заключенные царизмом в целях угнетения и удушения других народов. Словом, оно продолжает империалистическую войну—эту бойню народов из-за интересов капиталистов, начатую царским правительством.

Поэтому ни в области внутренней политики, ни в области политики внешней оно никакого доверия не заслуживает. Никакой поддержки ему со стороны трудящихся масс России.

Долой Временное Правительство!

Вся власть в стране должна принадлежать Советам Рабочих, Солдатских и Батрацких депутатов. Все помещичьи земли должны быть немедленно конфискованы (отобраны без всякого выкупа) и распоряжение всей землей должно принадлежать Советам на местах. Все банки должны быть слиты в один, работающий под контролем Совета Рабочих Депутатов. Такой же контроль должен быть установлен Советом над всей промышленностью и торговлей. Старая полиция и старые чиновники должны быть решительно устранены. Постоянная армия должна быть заменена всеобщим вооружением народа“.

Особенно подробно разбирал тов. Ленин вопрос о войне.

„Войну нельзя кончить по желанию",—говорил Владимир Ильич,—„нельзя кончить, воткнув штыки в землю. Нельзя кончить ее и соглашением социалистов разных стран, волей народов и т. п. Войны прекратятся лишь тогда, когда будет свергнут частный капитал во всем мире. Кончить ее ненасильническим миром нельзя без свержения капитала. Поэтому рабочие и беднейшее крестьянство должны уничтожить помещичий и капиталистический строй, на деле отказаться от каких бы то ни было захватов и предложить справедливый мир всем воюющим народам. Это—единственный путь к прекращению войны. Его нужно упорно разъяснять в действующей армии не только русской, но и всех воюющих стран. С этой целью немедленно должно быть начато „братание" воюющих армий".

Июньское наступление.

Получив от рабочих отпор на милюковское разъяснение, капиталисты стали выискивать способы заставить революционные массы продолжать войну ради своих захватнических целей. Они не отказывались от них. Милюков уже после последнего „разъяснения" заявил, что Россия должна получить господство над Босфором и Дарданеллами и что она будет требовать раздела Австрии. А Гучков выступал на фронте на сол-

датских митингах против войны „в ничью“ и призывал армию воевать до полного разгрома Германии.

Когда началось братание на русско-германском фронте, капиталистов охватило бешенство. Они видели, что их надежды на победоносное продолжение войны срываются. Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, поддержали капиталистов. Они резко осудили братание на фронте, объяснив его, как ловушку немецкого военного командования.

Испугались братания и возможного выхода России из войны и союзники. Они потребовали от правительства перехода русской армии в наступление, угрожая перестать давать деньги.

Капиталисты забеспокоились и решили начать наступление на фронте во что бы то ни стало. Советы и тут поддержали их—они призвали армию к наступлению. Но капиталистам этого было мало. Они предвидели, что это наступление может не удаться и не хотели одни нести ответственности за него. Армия жаждет мира—капиталисты это знали. Они знали, что армия не верит министрам Временного Правительства. События 21-го апреля показали Правительству, что, не опираясь на Совет, оно существовать не может. Тогда только Совет спас Правительство, отказавшись взять власть у капиталистов. Наиболее ненавистные—Милюков и Гучков поэтому удаляются из Временного Правительства, а капиталисты начинают при-

глашать в правительство социалистов (эсеров и меньшевиков).

Коалиционное Правительство,—т. е. правительство, составленное из разных партий,—вот чего капиталисты добивались с конца апреля. Это означало пусть и Советы примут участие в подготовке наступления и прикроют собой попытки капиталистов сорвать мир.

И на эту удочку пошел Исполнительный Комитет Советов. 2-го мая он высказался за вхождение во Временное Правительство социалистов, а несколько дней спустя меньшевики—Скобелев и Церетелли, вождь партии эсеров Чернов и народники Пешехонов и Переверзев стали министрами коалиционного правительства.

Исполнительный Комитет, чтобы скрыть перед рабочими свое предательство, заявил, что Временное Правительство будет исполнять его требования. Временное Правительство должно было деятельно добиваться всеобщего мира, бороться с хозяйственной разрухой, путем установления контроля над производством и распределением, подготовлять переход земли к трудящимся, провести обложение имущих классов, организовать скорейший созыв Учредительного Собрания и т. д. Но было одно, что объясняло—зачем буржуазия привлекала социалистов в правительство: Временное Правительство должно было заняться подготовкой наступления.

Новое правительство, в котором было 6 со-

циалистов и 10 капиталистов, не менее решительно, чем прежнее, высказалось против опубликования тайных договоров. Во всем остальном, кроме подготовки к наступлению, деятельность его была простым саботажем. С каждым днем все возрастала хозяйственная разруха. Все больше нехватало сырья и топлива для промышленности, все меньше вырабатывалось необходимейших предметов потребления. Капиталисты сами всячески расстраивали производство. Процветали только шрапнельные мастерские, да заводы, выделывающие ядовитые газы. Железные дороги все больше расстраивались, повсюду образовались заторы больных вагонов и паровозов. Дороговизна росла с каждым днем, а огромные расходы на войну вынуждали правительство без конца печатать бумажные деньги („керенки“). А это, в свою очередь, только уменьшало действительную ценность денег и еще больше взвинчивало на все цены [1]). Рабочие стонали от дороговизны, а капиталисты каждый день наживали целые состояния на работе на армию. Обложить их, отнять хоть один рубль из прибыли правительство даже не пыталось. „Скорейший созыв Учредительного Собрания“ выразился только в создании „особого совещания по выборам“, где большинство мест принадлежало капиталистам.

Крестьяне с весны 1917 г. требовали землю.

---

[1]) Читайте книжку издательства „Красная Новь“ под названием: „Бумажные деньги“.

Они захватывали помещичьи пашни и луга. Но помещики спешно закладывали в банки землю или продавали ее. На крестьянском съезде в мае месяце Чернов, министр земледелия, обещал издать закон о приостановлении и воспрещении земельных сделок. В конце мая такое распоряжение было издано, но через несколько дней приостановлено. Помещики получили возможность разматывать землю, чтобы с деньгами удрать за-границу. Это открыло глаза крестьянам на эсеров и все Временное Правительство. С начала июня крестьянское движение по всей России усиливается. Деревня, а особенно армия, в которой крестьян было большинство, начинает внимательно прислушиваться и тянуться к большевикам, которые ясно и определенно требовали немедленного перехода помещичьих земель крестьянам.

Единственно, где новое правительство не отступило от своей программы, так это в подготовке наступления. Буржуазные газеты с начала мая подняли неистовый вой. То они сообщали, что немцы стоят чуть не под Петроградом, то призывали спасать Англию и Францию, куда те же немцы перебросили свои силы. Керенский, ставший после Гучкова военным министром, все время объезжал фронт, произносил пламенные речи, призывал солдат к наступлению. В то же время, по его приказу, расформировывались наиболее революционные полки, твердо отказавшиеся продолжать войну. Армия в то время была в таком

состоянии, что ни о каком наступлении нельзя было и думать. Но правительство, не взирая ни на что, готовило наступление. Оно знало, что и при успехе, и при неудаче его оно только выиграет. Успех укрепит буржуазию, а неудача даст возможность расправиться с революцией, в первую очередь, с большевиками, которых капиталисты объявляли виновными во всем.

18-го июня это наступление началось, чтобы превратиться через несколько дней в страшный разгром русской армии.

Крах наступления 18-го июня, которое не было даже подготовлено технически (не были подтянуты резервы, не были подвезены снаряды и продовольствие), открыл глаза рабочим и армии на преступную роль меньшевиков и эсеров. Они руководили Советами, а, вступая в правительство, они еще раз предали рабочих и солдат. Своими призывами армии к наступлению они привели к возобновлению империалистической бойни.

С другой стороны, крах этого наступления развязал руки и буржуазно-генеральской контрреволюции, которая решила задушить революцию, начав с большевиков.

Начало контр-революции.

Та глубокая революционная работа, какую вели с первых дней революции большевики, особенно после приезда в Россию тов. Ленина, к этому времени принесла уже обильные плоды.

В армии еще к началу наступления было свыше 60 военных организаций, объединявших несколько миллионов солдат. 18 е июня еще более усилило влияние большевиков. Возраставшая хозяйственная разруха, возобновлявшаяся война, усиливающаяся и наглеющая, с каждым днем, контр-революция отбросили от меньшевиков и эсеров и городских рабочих. Рабочие и солдаты в городах больше не доверяли Временному Правительству и каждую минуту готовы были выйти на улицы с требованием передачи всей власти Советам.

Но происходивший в начале июня Всероссийский Съезд Советов Рабочих Депутатов остался глух к этим настроениям рабочих и солдат. Он еще раз оказал доверие Временному Правительству, еще раз подписался под теми преступлениями, какие творили против революции капиталисты.

Настроение рабочих и солдат знали большевики. И Центральный Комитет партии большевиков объявил на 10-ое июня в Петрограде демонстрацию (уличное шествие), в которой должны были принять участие и солдаты. Главные требования этой демострации—„Долой войну“, „Вся власть Советам“.

Правительство и буржуазия испугались этой демонстрации, и съезд перенес ее на 18-ое июня, предложив рабочим патриотические лозунги. Большевики подчинились, так как не хотели вести

рабочих и солдат под пули полицейских и юнкеров. Но 18-го июня 400 тысяч рабочих и солдат прошли с требованиями перехода власти к советам и окончания войны. Капиталисты ясно увидели, что рабочие и наиболее сознательная часть армии идет с большевиками, и стали спешить с расправой.

Июльские дни.

18 июня было переломным днем. Контр-революция начала наступать. Контр-революционные генералы угрожали сдать Питер немцам. Правительство собиралось выводить большевистские полки из столицы.

В начале июля кадеты—представители буржуазии—ушли из правительства, чтобы создать временно замешательство и добиться своих целей.

„Воспользуйтесь уходом кадетских министров и возьмите всю власть в свои руки“—с таким требованием рабочие обратились к руководящим партиям Советов. 3 июля некоторые воинские части Петрограда выступили с оружием в руках, чтобы свергнуть правительство, и обратились к большевикам. Большевики были против выступления, считая его преждевременным, но раз выступали массы, они не могли предать их. Они призвали рабочих и солдат к мирной демонстрации, чтобы попытаться еще раз убедить Советы взять власть в свои руки. 4 июля свыше полу-

миллиона рабочих и солдат подошли к зданию Совета с этим требованием. Центральный Исполнительный Комитет Советов ответил отказом. Рабочие и солдаты стали возвращаться домой и в казармы. А на следующий день черносотенные газеты напечатали подложный документ, что Ленин и большевики действуют по указанию немцев. Подошли контр-революционные войска, начались аресты, разоружение рабочих и солдат. Движение было подавлено.

Буржуазная контр-революция поспешила, прежде всего, обезглавить революцию, разгромить большевистскую партию. Вожди партии были привлечены к суду за измену (на основании подложных документов) и за организацию восстания, хотя в июльские дни большевики, наоборот, удерживали массы от преждевременного выступления. Правительству удалось схватить и заключить в тюрьму тов. Троцкого, Луначарского, Колонтай и др. Т. т. Ленин и Зиновьев принуждены были скрыться из столицы. Но все эти попытки разгромить партию большевиков были бесполезны.

Большевики неуклонно сплачивали вокруг себя все революционное в армии и стране. На апрельской конференции (совещании) партии участвовало 48 организаций с 80 тысячами членов партии, на 6-м съезде, бывшем в конце июля, участвовало уже 162 организации с общим количеством членов партии до 240 тысяч.

После июльских дней стало очевидным, что Советы - только пособники буржуазии. Поэтому требование перехода власти к Советам было бы простым обманом народа. Власть в руках капиталистов, в руках военной шайки; меньшевики и эсеры, составляющие большинство в Советах, только ее пособники. „Нынешние Советы“ - писал после июльских дней тов. Ленин, — „похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы теперь бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контр-революцией“.

Эту власть надо свергнуть. Революционный рабочий класс, вместе с беднейшим крестьянством, должен взять государственную власть в свои руки, отняв ее у капиталистов. Без этого победы революции быть не может. „Советы могут и должны появиться... в этой новой революции. но не теперешние советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы борьбы с ней“,— писал тов. Ленин.

Овладеть Советами, организующими рабочих и крестьян, отвоевать в них большинство у эсеров и меньшевиков—такие задачи поставила партия большевиков после июльских дней.

Меньшевики и эсеры после июльских дней сами отбросили себя в лагерь контр-революции, стали ее пособниками. Хозяином Петрограда оказалась военщина. Сразу же началось разоружение рабочих и солдат; офицеры, юнкера и

казаки оставались неразоруженными. Вскоре в правительство вернулись кадеты [1]), но они выговорили себе условия, что новое Временное Правительство будет независимым от Советов. Буржуазная контр-революция получила власть полностью в свои руки.

А эсеровско-меньшевистский Центральный Исполнительный Комитет Советов вынес резолюцию, в которой заявляет: „страна и революция в опасности"... „Временное Правительство объявляется правительством спасения революции и за ним признаются неограниченные полномочия для восстановления дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контр-революции"... Под контр-революционерами подразумевались, прежде всего, большевики.

Князя Львова, во главе правительства, вскоре сменил Керенский. Но Керенский и все социалисты в правительстве были только пешками в руках генеральско-буржуазной контр-революции. Генерал Корнилов, ставший в это время верховным главнокомандующим русской армией, вместе с Савинковым, прославившимся впоследствии отъявленным белогвардейцем, требует от Керенского восстановления смертной казни на фронте по приговорам военно-полевых судов. И Временное Правительство отдает армию на растерзание ге-

---

[1]) Кадетская партия стояла за конституционно-демократический строй, т. е. чтобы был монарх, но ограниченный в некоторых правах.

нералам: смертная казнь вводится на фронте за бегство с поля сражения, за подстрекательство к сдаче и т. п. Но генералам мало и этого: они требуют уничтожения комитетов в армии, восстановления смертной казни и в тылу, создания особых „отборных частей“ на случай применения вооруженной силы против неповинующихся частей. Они настойчивей требуют и вывода из Петрограда революционных воинских частей, с заменой их этими „отборными войсками“. Из Петрограда собираются перевести наиболее крупные промышленные предприятия, чтобы распылить революционных рабочих столицы.

А рядом с этим спешно организуются вооруженные силы контр-революции: георгиевские кавалеры, ударные батальоны, офицерские батальоны смерти и т. п.

Меньшевик Церетелли, после разоружения рабочих, сам старается задушить революцию. „Виновные—прямо или косвенно—в июльских событиях арестуются и предаются суду“—дает он приказ. И тюрьмы наполняются рабочими, громятся типографии рабочих газет, собрания запрещаются.

В Москве купец Рябушинский бросает клич—„Костлявой рукой голода задушим революцию“. И промышленники начинают требовать „восстановление порядка“ (т. е. прежнего рабства рабочих) на заводах, уменьшают заработную плату рабочим. На крестьян правительство Керенского

обрушилось арестами, судами. Судили за нарушение старых договоров с помещиками, заключенных еще при царе. Арестовывали земельные комитеты, когда те решались запретить помещикам продавать землю.

Капиталисты начинают требовать отложить Учредительное Собрание до конца войны. А война должна продолжаться до полной победы.

Корниловщина.

Чем больше крепли капиталисты, тем больше росли их притязания. Керенский был подходящим приказчиком на первое время, когда им выгодней было жить с Советами в мире. Но он исполнил свое назначение, когда подавил июльское движение, восстановил смертную казнь и помог капиталистам обуздать рабочих и крестьян. Теперь им стала нужна твердая власть—военная диктатура. Для нее подходящим лицом был Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов.

Но буржуазия не хотела делать государственный переворот открыто в свою пользу. Она думала произвести его под флагом восстановления порядка и спасения отечества и потому искала какую-нибудь видимость одобрения ее действий всей страной. Так зародилась мысль о Государственном Совещании, которое состоялось позднее в Москве. Всю страну на этом совещании должны были представлять члены помещичьей Государственной Думы. Большевики, ставшие признан-

ными руководителями рабочих масс, на Государственное Совещание допущены не были.

Московские рабочие встретили Государственное Совещание забастовкой—грозным предостережением контр-революционерам. Правда, эсеры и меньшевики, хозяйничавшие в Московском Совете, пытались сорвать забастовку, объявляли ее гибельной для революции, но 400 тысяч московских рабочих, как один, сказали свое слово о попытке буржуазии восстановить монархию в форме военной диктатуры. Московских рабочих поддержал забастовками и демонстрациями против Государственного Совещания рабочий класс всей России.

А, между тем, контр-революционеры предполагали в день Государственного Совещания в Москве произвести переворот. Одновременно с депутатами на Совещание, в Москву прибывали офицерские батальоны, георгиевские кавалеры и т. п. „отборные части". В Москву готовился почетный въезд будущего правителя земли русской ген. Корнилова, который должен был проехать, как в старину делали это цари, „приложиться" к Иверской мимо выстроенных войсковых частей. В Питере тем временем тоже работала тайная офицерская организация, подготовляющая разгон Советов.

Но единодушная забастовка московских рабочих сорвала расчеты контр-революционеров. Государственное Совещание, собравшееся в театре,

превратилось в настоящее театральное представление, где меньшевики от имени рабочих клялись в верности и жали руку капиталистам, а Керенский грозил железом и кровью большевикам. Три царских генерала—Алексеев, Каледин, Корнилов—выступили открыто и требовали расправы с революцией, уничтожения Советов и комитетов. Корнилов даже грозил, что если его требования не будут приняты, то падение Риги заставит их принять...

Но переворота с установлением военной диктатуры им совершить все-таки не удалось. Помешал рабочий класс, поднявшийся для защиты революции.

„Пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не отереть слез матерей и жен. Арканом и петлей не высушить моря страданий. Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности"—так писали большевики в своем обращении 6-го съезда, появившемся в газетах в день открытия московского совещания.

Но контр-революция не отменила, а только лишь отложила попытку военного переворота. Иностранные капиталисты, кровно заинтересованные в установлении в России, по крайней мере, военной диктатуры, дали Временному Правительству пятимиллиардный заем. Корнилов сдал Ригу, чтобы получить в обмен за нее от Керенского право на смертную казнь в тылу. В борьбе за Ригу, нарочно, по частям посылались

на верную гибель лучшие полки латышских стрелков, сплошь большевистские. А в страну ставка Корнилова бросала клевстнические сообщения о шкурничестве и трусости латышских полков.

Напугав Керенского сдачей Риги, Корнилов решительно потребовал установления военной диктатуры в стране, перевода всей промышленности на военное положение, т. е. подчинение рабочих военным законам со смертной казнью, установления военных порядков на железных дорогах, восстановления каторжной дисциплины в армии и т. п. Керенский видел, к чему стремится буржуазия, и прекрасно понимал, что буржуазии нужен уже не он, а Корнилов в качестве военного диктатора, но он не мог порвать с генеральской контр-революцией, так как окончательно потерял всякое доверие у масс. Он согласился снять с фронта конный корпус и Корниловскую туземную дивизию, якобы для защиты подступов к Петрограду от немцев, а в действительности для разгона Советов и расправы с питерскими рабочими. 26-го августа Корнилов предъявил свои требования Керенскому, двинул войска на Петроград, угрожая открыть фронт, чтобы бросить все войска в кровавую баню в Питере. Керенский в последнюю минуту струсил и арестовал корниловского посланца, но сделать что-нибудь большее он не мог. Рабочие и армия ему не верили и его выступление против Корнилова объяснили просто:—не сторговались.

Революцию спасли питерские рабочие, в один день создавшие красную гвардию. Рабочие пушечных заводов вдвое повысили производительность. Большевики, ставшие единственными руководителями рабочего класса, призвали рабочих бороться до последней капли крови против Корнилова,—но не за Керенского, а за революцию. Корниловское восстание провалилось. Его войска, обманутые своими генералами, при первом соприкосновении с красной гвардией переходили на ее сторону: в самой столице скопившиеся георгиевские кавалеры, всевозможные ударники и ударницы не решились выступить. Шесть месяцев революции создали в массах достаточно крепкий оплот против открытого контрреволюционного натиска.

Корниловское восстание было организовано буржуазией, во главе с кадетами. Рабочие открыто требовали изгнания кадетов из правительства. Эсеры и меньшевики, как всегда, колебались. Они не хотели стать открыто на защиту корниловцев, но не решались порвать и с буржуазией. Большевики требовали перехода власти к Советам и назначения ответственного перед Советом правительства, одновременно добиваясь повсеместных перевыборов Советов. „Только власть Советов сможет сейчас же в корне потушить загорающуюся гражданскую войну и сделать мирным дальнейшее развитие революции“ — писал Ленин.

Последние дни Керенского.

Капиталисты во время наступления Корнилова решили ослабить власть, чтобы расчистить дорогу генералу. Кадетские министры снова вышли из правительства. Началась новая суматоха, в результате которой родилась так назыв. „директория“—верховное правительство из пяти лиц. Во главе ее стоял, конечно, Керенский, и он подобрал себе четырех наиболее бесцветных лиц из своего предыдущего правительства—Терещенко, меньшевика Никитина, генерала Верховского и адмирала Вердеревского. Создание „директории“ было, конечно, делом руки той же буржуазии. Когда попытка Корнилова кончилась неудачно, буржуазия не отказалась от мысли о диктатуре, но временно решила, вместо военной диктатуры бравого генерала, устроить диктатуру Керенского. Конечно, Керенский диктатором быть не может, но его правление будет правлением буржуазии, а она пока что считала выгодным спрятаться за него.

Тем временем, пока на верхушках вместо одного правительства создавали другое, в народных массах—в низах—шло быстрое „левение“. Производство в стране все падало, добыча топлива сокращалась. В городах нарастало недовольство на почве продовольственных затруднений, временами переходивших в голод. Особенно деревня бунтовала. К концу лета, после уборки урожая,

крестьянское движение усилилось еще больше. Крестьяне увозили помещичий хлеб, местами громили помещичьи усадьбы. Они сами забирали помещичьи земли, которые в продолжение нескольких месяцев не хотело дать им Временное Правительство. Эсеры думали еще раз обмануть крестьян, издав закон, которым на деле укреплялась помещичья собственность на землю. Но большевики сразу же разоблачили этот обман. В армии участились солдатские бунты, росло дезертирство—солдаты „ногами голосовали за скорейшее окончание войны", т. е. попросту бежали с фронта.

Временному Правительству не верил больше никто. Все меньше верили и меньшевикам и эсерам. Массы тянулись к большевикам, которые с самого начала революции выставили ясные, всем близкие и всем понятные требования: „хлеб, мир и свобода". Особенно армия. Крестьяне видели, что только большевики действительно идут против капиталистов за интересы трудящихся. Советы, армейские комитеты повсюду, после перевыборов, переходили в руки большевиков. Большевики получили большинство в Петроградском Совете, где прежний Исполком, во главе с меньшевиком Чхеидзе, должен был уступить место новому, во главе с Троцким, к тому времени освобожденному из тюрьмы. Вслед за этим большевики оказались хозяевами и в Московском Совете. Опираясь на большевистские Советы, большевики настойчивей стали тре-

бовать перехода власти к Советам. Тов. Ленин в своих письмах первым делом настаивал на вооруженном восстании в Питере и Москве и свержении правительства. Он уже тогда видел всю бесполезность, даже вред проволочки и совершенно не верил эсерам и меньшевикам.

Эсеры и меньшевики, сидевшие в Центральном Исполнительном Комитете Советов, видели, что массы им больше не верят, и стали искать какую-нибудь опору. Созывать второй Всероссийский Съезд Советов для них было делом, очевидно, безнадежным. На выборах повсюду побеждали большевики. Поэтому эсеры и меньшевики решили созвать в Петрограде так наз. „Демократическое Совещание", которое одобрило бы их политику соглашений с буржуазией и не допустило бы возможное восстание большевиков. А чтобы это было так, чтобы Совещание было послушным, вместо рабочих, крестьян и солдат на него были приглашены представители земств, городских дум, кооперации, разных интеллигентских организаций и т. д. Советам было отведено одно из последних мест.

Демократическое совещание не привело, конечно, ни к каким результатам. Правительство осталось попрежнему безответственным перед Советами и, значит, прислужником капиталистов. Чтобы все-таки скрыть это, была установлена видимость контроля над Временным Правительством. До созыва Учредительного Собра-

ния, которое капиталисты оттягивали до бесконечности, должен был действовать так наз. „предпарламент“.

Большевики, бывшие, конечно, в меньшинстве на этом искусственно-подобранном Совещании, пришли туда, с ясным требованием „вся власть Советам“, „созыв второго Съезда“. Эти же требования они бросили в массы, когда „Демократическое Совещание“ провалилось и до Учредительного Собрания был созван предпарламент из представителей этого Демократического Совещания и представителей буржуазии. Большевики ушли в первый же день из этого предпарламента, превратив его своим уходом в чисто буржуазную организацию. Массы с каждым днем все больше шли за большевиками с их требованием: „вся власть советам“.

В ответ на это требование Керенский громил Ташкентский Совет, взявший власть в свои руки, арестовывал земельные комитеты, отбиравшие у помещиков земли, усмирял пулей и нагайкой бастующих железнодорожников и донских рудокопов. Вся власть над страной попрежнему была в руках отъявленных корниловцев, составивших новое министерство. Правительство шло на гражданскую войну с рабочим классом, беднейшим крестьянством и армией. Капиталисты закрывали одну фабрику за другой, стремясь „задушить революцию костлявой рукой голода“. Правительство начало разгружать Петроград, вы-

возить оттуда наиболее крупные предприятия. Собиралось сдать его немцам, чтобы в огне войны погиб очаг революции. Одновременно с этим накоплялись крупные контр-революционные силы на Дону, куда бежал Корнилов. За границей начинались таинственные совещания с немцами. Наиболее решительные члены Временного Правительства готовы были заключить какой-угодно мир в обмен на усмирение рабочих и крестьян.

Крестьянство продолжало выгонять помещиков и отбирать их земли. Его не могли запугать никакие правительственные кары, в изобилии сыпавшиеся на его голову. Оно готово было поддержать новую революцию, назревающую в городе. Для широких рабочих масс необходимость этой новой революции сделалась ощутительнее, чем когда бы то ни было. Низвержение Временного Правительства — стала их первоочередной задачей. Передача всей власти съезду Советов— главным требованием.

Второй съезд Советов был назначен уже давно на 20 октября, но эсеры и меньшевики, засевшие в Центр. Исполн. Комитете Советов, всячески старались оттянуть и сорвать съезд. Съезд не нужен, так как есть Совет Республики (предпарламент) — говорили они. Но борьба против съезда была обречена на провал развивающейся в стране новой революцией.

Пока Временное Правительство расстреливало

Ташкентский и Калужский Советы и собрало в Петроград ударные отряды юнкеров и офицеров, большевики завоевали господство в каждом Совете. Весь московский район к началу октября идет за большевиками. За них голосует весь Балтийский флот, 6-я армия. Развязка приближается с каждым днем.

Тов. Ленин, который в это время жил в Финляндии, скрываясь от жандармов Керенского, сгорал от нетерпения поскорее начать вооруженное восстание против Временного Правительства. Он ясно видел, что другого пути нет. Но Центральный Комитет партии большевиков медлил. Большевики не имеют за собой ясно-выраженного большинства в народе, большевики усиливаются с каждым днем и в Учредительном Собрании они смело могли рассчитывать иметь большинство, стоит ли поэтому рисковать, выступая с оружием в руках против Керенского.

Ленин пишет сначала письмо в Петроградский и Московский комитеты партии большевиков. В нем Ильич ясно доказывал всем колеблющимся, что сомнениям места быть не может и не должно в такую решительную минуту. Немедленное вооруженное восстание против Керенского — единственный путь, которым должны итти рабочие и крестьяне, если они хотят победы революции.

Это письмо, бывшее толчком к восстанию, мы приводим здесь полностью:

„Дорогие товарищи!

События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением.

Аграрное (крестьянское) движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии (преследования). В войске симпатии (сочувствие) к нам растут (99 процентов голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов [1]). Выборы в Москве дали почти половину большевиков гигантская (огромная) победа. С левыми эсерами явное большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте (споре) с правительством. Либерданы [2]) вместо съезда на 20 октября говорят уже о съезде в двадцатых числах и т. д., и т. д...

При таких условиях „ждать“—преступление.

Большевики не в праве ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас.

Медлить—преступление. Ждать съезда советов—ребяческая игра в формальность, предательство революции.

---

[1]) Речь идет о военных восстаниях в Германии, вспыхнувших в 1917 г. под влиянием русской революции.

[2]) Так назывались часто в то время русские меньшевики по фамилиям своих вождей—Либера и Дана.

Если нельзя взять власти без восстания, надо итти **на восстание** тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: напр., если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и **воевать некому**. В Питере можно **выжидать**. Правительству нечего делать и нет спасения, **оно сдастся**.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, газету „Русское Слово" получает гигантскую базу (прочную опору) и силу—агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: **мир** мы предложим **завтра**, если Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). **Землю** крестьянам **тотчас**, уступки железнодорожникам и почтовым служащим—**тотчас** и т. д.

Не обязательно „начать" с Питера. Если Москва „начнет" бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска **идут на Питер**.

Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за Московское Советское Правительство. Лозунги: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена и на девять десятых шансы, что бескровно, ждать—преступление перед революцией".

Мощный голос Ильича сделал свое дело. В средине октября Центральный Комитет партии большевиков решал вопрос о восстании. На этом заседании были не только все вожди партии, но и представители ленинградских рабочих и солдат. Из вождей лишь Ленин и Троцкий высказались за восстание. Все остальные, даже военные работники, были против. Восстание решено было не начинать.

Тогда поднялся рабочий с одного питерского завода. „Я говорю от имени Петроградских рабочих— сказал он резко, с лицом, искаженным гневом,—мы за восстание. Пусть будет по вашему, но я говорю вам теперь, что если вы допустите уничтожение Советов, то нам с вами больше не по дороге“...

Поднялось еще несколько рабочих, несколько солдатских представителей и все они твердо говорили об одном.

— Мы за восстание!

Вопрос снова был поставлен на голосование и—было решено итти на восстание.

Правительство Керенского доживало последние дни.

В Петрограде закончился областной съезд советов северной области. Он решительно высказался против Временного Правительства и потребовал передачи всей власти Всероссийскому Съезду Советов. Таким же требованием начал свою работу в эти дни первый Всероссийский

Съезд фабрично-заводских комитетов. Этим требованием кончались все многочисленные многолюдные собрания рабочих и солдат в Питере в эти дни...

В Донбассе 30 тысяч углекопов объявили забастовку. Забастовки загорались все чаще повсюду, во всех городах. По всей стране широкой рекой разлились крестьянские восстания. Сотни тысяч солдат бежали с фронта. Большинство губернских советов и все советы фабрично-промышленных городов были уже большевистскими.

Правительство Керенского делало последние попытки справиться с бушующей революцией. В предпарламенте Керенский хвастливо заявил, что у него есть достаточно средств, чтобы справиться с большевиками. Но все знали, что его дни сочтены. На Всероссийский съезд советов съезжались представители со всех концов России, подавляющее большинство их—большевики.

Керенский пытался удержаться какой угодно ценой. Он решил сдать Питер немцам, чтобы расправиться с большевиками. Под видом защиты столицы он думал отправить на фронт питерских солдат—сплошь большевистских, а город эвакуировать, т. е. вывезти все учреждения, фабрики, заводы, оборудования, ценности. Но едва только Временное Правительство заговорило об этом, солдаты единодушно ответили:

— Если вы неспособны защищать страну—заключайте мир; если вы не можете заключить

мир—убирайтесь прочь: уступите место народному правительству, которое может сделать и то и другое.

Чтобы бороться с этими намерениями правительства, Петроградский Совет образовал особый Военно-Революционный Комитет. Он резко потребовал от штаба подчинения себе. Штаб отказался, но Военно-Революционный Комитет назначил во все части своих комиссаров, и распоряжение всеми вооруженными силами столицы перешло к нему. Вооружаются рабочие, вооружаются солдаты, со всех сторон подтягиваются силы. Войсковые части, целые корпуса шлют Питерскому Совету приветствия с обещанием поддержки.

22 октября назначается „день Петроградского Совета"—последний смотр революционных сил, а в ночь на 25-е октября революционные войска и красная гвардия занимают вокзалы, почту, телеграф, государственные банки.

Той же ночью Троцкий от имени Военно-Революционного Комитета объявил в Петроградском Совете, что „Временного Правительства больше не существует"...

А в 10 часов вечера в Смольном открылся Второй Всероссийский съезд Советов, к которому перешла вся государственная власть России.

Так трудящиеся—крестьяне и рабочие подошли вплотную к овладению правом на устройство своей жизни. Путь, пройденный трудящимися от Февраля до Октября, был полон преград, всяче-

ски расставлявшихся буржуазией и рука-об-руку шедшими с ней изменниками рабочему делу—эсерами и меньшевиками. Труден был путь, но крепка вера в правду большевистской партии и ее вождя Ленина,—и эта правда вывела трудящихся на вольную, широкую дорогу мирного и братского строительства жизни на основах коммунизма.

О дальнейших геройских шагах трудящихся под ярким знаменем Октябрьской большевистской революции читайте другую книжку под названием „Первые дни Октября“.

ГОСИЗДАТ,

издающий эти книжки для крестьян, просит всех, кто будет эти книжки читать, а также заведующих избами-читальнями, деревенскими библиотеками и красноармейскими клубами, написать Издательству:

1. Какая книжка понравилась читателям и слушателям и почему.
2. Какая книжка не понравилась и почему.
3. Какие книги и о чем еще хотелось бы прочитать.
4. Нравятся ли обложки на этих книжках и какие.
5. Также сообщить все другие отзывы и пожелания относительно этих книжек.

Письма можно посылать без марок по следующему адресу:

МОСКВА, Рождественка, 4.

Сектор Крестьянской Литературы

ГОСИЗДАТА

ЧИТАЙТЕ

ИЗДАНИЯ „ГОСИЗДАТА"

(Все книги в художественных обложках с рисунками в тексте).

О БОЛЕЗНЯХ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ.

(Медицина, гигиена, ветеринария).

12. Болотная лихорадка (малярия).
120. Дифтерит или гнилая жаба.
65. Зеленый змий.
118. Чахотка.
64. Заразные болезни.
117. Как сохранить здоровье.
119. Холера.
121. Жизнь человеческого тела.
141. Для чего нужна больница.
142. Берегите детей.
20. Знахарь и доктор.
124. Болезни, передающиеся животными.
126. Насекомые, переносящие болезни.
127. Возвратный тиф.
128. Дезинтерия.
129. Чума.
130. Муха—распространительница болезней.
131. Сыпной тиф.
132. Сифилис.
133. Чистота—залог здоровья.
134. Болезни детей.
135. Здоровье женщины.
125. Как наше тело борется с жаром и холодом.
42. Сап.
40. Бешенство.
41. Сибирская язва.

Цена 25 коп.

Издательство «КРАСНАЯ НОВЬ»

МОСКВА, Воздвиженка, 9.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР—Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвижен. пер.).
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА—Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, пл. Свердлова, 2-й дом Советов—«Серп и Молот».
Москва, Сретенка, дом № 8.
Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.
Ленинград, Проспект Володарского, 64.

